

УДК 94(47).083

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-1-40-46

НЕФЕДОВ Сергей Александрович
Институт истории и археологии
Уральское отделение Российской
академии наук
г. Екатеринбург, Россия
hist1@ya.ru

Sergei A. NEFEDOV
Institute of History and Archaeology
Ural Branch of Russian Academy of Sciences
Ekaterinburg, Russia
hist1@ya.ru

NON-ACADEMIC PAPER

НЕАКАДЕМИЧЕСКИЙ ТРУД

Монография М.А. Давыдова «Двадцать лет до Великой войны. Российская модернизация Витте-Столыпина» подводит итог многолетним исследованиям автора, и многие ее сюжеты освящены в его предыдущих публикациях, а также в возникших вокруг них дискуссиях. Давыдов пытается доказать, что уровень жизни российских крестьян повышался, при этом основными его аргументами (уже сформулированными в других работах) являются увеличение затрат крестьян на алкоголь и рост вкладов в сберегательные кассы. Автор возвращается также и к проблеме достоверности российской урожайной статистики, вновь высказывая свои сомнения по этому вопросу. Фактически новым является лишь материал, касающийся исследования зависимости налоговых недоимок от размеров крестьянских наделов. При обращении к этим (и другим) вопросам выявляется основной методологический недостаток работы: Давыдов считает, что перечислением подходящих примеров можно подкрепить (или опровергнуть) утверждения, имеющие общий, статистический характер. Между тем многие обсуждаемые им вопросы могут быть достоверно разрешены только методами математической статистики, которые автором не используются. Большое место в монографии уделяется описанию реформ Столыпина. Однако перечисляя мелкие подробности процессов разрушения общины, землеустройства, развития агрономической помощи, автор уходит от анализа связи этих мер с главной задачей реформ, задачей повышения урожайности. Он не приводит каких-либо доказательств того, что реформы привели к увеличению урожая, - а между тем проведенный его оппонентами статистический анализ указывает на отсутствие связи между ростом урожайности и темпами проведения реформы. Характерной чертой работы является ее афишированная автором политическая направленность, местами доходящая до использования неакадемической лексики.

The monograph "Twenty Years before the Great War. The Russian Witte-Stolypin's Modernization" by M.A. Davydov summarizes the author's many years of research, and many of his stories are consecrated in his previous publications, as well as in the discussions that arose around them. Davydov tries to prove that the standard of living of Russian peasants has increased, while his main arguments (already formulated in other works) are an increase in the costs of peasants for alcohol and the growth of deposits in savings banks. The author also returns to the problem of the reliability of Russian harvest statistics, expressing again his doubts on this issue. In fact, only the material concerning the study of the dependence of tax arrears on the size of peasant holdings is new. When addressing these (and other) issues, the main methodological disadvantage of the work is revealed, namely: Davydov believes that one can confirm (or refute) statements that are of a general, statistical nature by listing suitable examples. Meanwhile, many of the issues discussed by him can be reliably resolved only via methods of mathematical statistics that are not used by the author. A great place in the monograph is given to the description of Stolypin's reforms. However, listing the small details of the processes of the community's destruction, land planning, development of agronomic assistance, the author goes from analyzing the relation of these measures to the main task of reforms - the task of increasing yields. He does not provide any evidence that the reforms have led to an increase in yields, but meanwhile, the statistical analysis conducted by his opponents indicates a lack of connection between the increase in yield and the pace of reform. A characteristic feature of the work is its political orientation, which the author has advertised, sometimes reaching the use of the non-academic lexicon.

Ключевые слова: Россия, конец XIX - начало XX века, реформа Столыпина, урожайная статистика, крестьянское малоземелье, недоимки по налогам, расходы на алкоголь

Keywords: Russia, late 19th - early 20th century, Stolypin's reforms, crop-valued statistics, peasant holdings, back taxes, alcohol expenses

15 ноября 2017 г. состоялась ежегодная торжественная церемония вручения Премии Егора Гайдара. В номинации «За выдающийся вклад в области истории» наградой был отмечен доктор исторических наук, профессор Высшей школы экономики М.А. Давыдов «с его книгой "Двадцать лет до Великой войны. Российская модернизация Витте-Столыпина"» [1].

Это удивительное событие, поскольку премия присуждена за труд, который, как утверждает сам автор, «не является академическим» [1, с. 6]. Действительно, на титуле

книги отсутствуют признаки академического труда - нет рекомендации ученого совета, нет ни редакторов, ни рецензентов. Давыдов объясняет это обстоятельство на второй странице предисловия, он прямо заявляет, что не собирается пользоваться академическим языком: «Оппоненты слышат тебя только тогда, когда ты говоришь с ними, цитируя одного знаменитого генерала, "для удобнейшего понятия - в самых простых выражениях"» [1, с. 6]. И далее автор «в самых простых выражениях» заявляет о политической заостренности своей работы: «Задача состоит в том, что показать сугубую неправомочность, более того, - порочность вновь возникшей моды на сопоставление Российской Империи и СССР» [1, с. 10]. Давыдов утверждает, что «современный "агитпроп"» пытается «уравнять Российскую Империю и СССР по уровню государственного произвола и числу жертв в голодные годы». Его возмущает, что «жуткие реалии советского времени стали механически переноситься на пореформенную эпоху». Он утверждает, что «подобные сравнения Российской Империи и СССР - наглое вранье» [1, с. 13].

Казалось бы, признания автора избавляют специалистов от необходимости рецензировать его труд в научных журналах. Однако, поскольку премия Гайдара присуждена Давыдову за «научные достижения», представляется нелишним кратко рассмотреть, в чем же эти достижения заключаются.

В первой главе своего 1000-страничного труда Давыдов ставит перед собой задачу разоблачить «набившие оскомину возгласы на тему "недоедим, а вывезем"» [1, с. 6], показать, что «голодный экспорт» - миф, придуманный народниками [1, с. 9]. Но далее, заявив, что «сама постановка вопроса о голодном экспорте имеет вполне провокационный характер», Давыдов переходит к рассмотрению другого вопроса - вопроса об урожайной статистике Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел (ЦСК МВД). Этот вопрос - предмет давней дискуссии, и Давыдов кратко пересказывает результаты других своих исследований, в том числе защищенной в 2003 г. диссертации. При работе над диссертацией автор обнаружил, казалось бы, парадоксальные факты: из некоторых губерний в календарном году вывозилось пшеницы или овса больше, чем был по статистике урожай в этом году. Давыдов обнаружил 12 таких случаев, и сделал вывод, что данные ЦСК, «по крайней мере, далеко не во всех случаях являются достоверным источником» [2, с. 288]. Однако это не помешало автору широко использовать данные ЦСК: в диссертации более чем на ста страницах приводятся данные о производстве зерновых по губерниям; эти данные обсуждаются, анализируются, а затем, как положено в диссертации, делаются широкие обобщающие выводы [2, с. 186-299]. В последующих работах Давыдов отрекся от использованных в диссертации данных, и более того, в связи с их «несостоятельностью» поставил вопрос о необходимости пересмотреть все работы по экономической истории России конца XIX - начала XX в. - вплоть до учебников. «Как быть с освященными традицией цифрами, - вопрошал Давыдов, - заключениями о характере развития производительных сил в сельском хозяйстве России, которые фигурируют в каждом учебнике и т.д.?» [3, с. 69].

Однако более подробные исследования, проведенные оппонентами Давыдова, показали, что 12 случаев относятся к ситуациям, когда в текущем неурожайном году вывозился богатый урожай прошлого года. Аргументы оппонентов носили количественный характер: были обнаружены соответствующие статистические данные [4; 5]. Давыдов не согласился с аргументами оппонентов, и большая часть первой главы его книги посвящена перечислению нарративных свидетельств о том, что в неурожайные, голодные годы все-таки вывозилась какая-то часть урожая текущего года [1, с. 52-57]. То есть, противоречая самому себе, он доказывает, что голодный экспорт существовал. Однако, если вернуться к утверждению Давыдова о том, что вывозилось больше, чем было произведено, то автор не в состоянии его доказать: частные свидетельства не дают ответа на главный вопрос - какая часть урожая вывозилась?

Здесь проявляется основной методологический недостаток книги Давыдова: автор считает, что нарративные свидетельства о единичных фактах могут перевесить данные статистики. Поэтому он многословно цитирует эти, часто достаточно неопределенные, свидетельства - с чем и связан большой объем книги. При этом игнорируется то обстоя-

тельство, что статистические средние являются концентрированным выражением многих тысяч свидетельств и единичными суждениями невозможно доказать их «несостоятельность». Статистика может быть опровергнута только другой статистикой. В этой связи характерно обращение Давыдова к работе Н.М. Виноградовой, которая сопоставила урожайные данные ЦСК, земств и Министерства земледелия. Виноградова пришла к выводу, что «данные Центрального Статистического Комитета *устанавливали уровень урожая очень близко к действительности*» (выделено Виноградовой. - С.Н) [6, с. 90]. Давыдов отвечает на это, что «при всем уважении к качеству статистического анализа» «он не может согласиться», так как «задача Виноградовой сводилась к определению того, какой из трех источников *надежнее* других» [1, с. 80]. Это не так, задача Виноградовой состояла именно в «установлении близости данных ЦСК к действительности». И она это блестяще доказала, приведя таблицу соотношений между данными ЦСК и данными земств [6, с. 88]. Если посчитать математическое ожидание по этой таблице, то окажется, что средние данные земств отличаются от средних ЦСК лишь на 0,5%. То есть для временных промежутков в несколько лет и регионов в несколько губерний все неточности сглаживаются и одна статистика подтверждает другую.

Далее, Давыдов пытается установить, какова была доля экспорта в общем производстве зерновых [1, с. 97-109]. Он показывает, что экспорт отдельных культур рос медленнее, чем общее производство, но эти данные ничего не дают, так как в действительности необходимо сравнивать экспорт с общим *душевым* потреблением. Скажем, в конце XIX в. в Германии чистый душевой сбор составлял 24,2 пуда зерновых и картофеля (в пересчете на хлеб 4:1) плюс 3,6 пуда ввозилось (в основном из России) так что душевое потребление составляло 27,8 пуда. В России в неурожайные 1897-1898 гг. чистый душевой сбор составлял 20,9 пуда, тем не менее 3,7 пуда ушло на экспорт, и на потребление осталось 17,2 пуда [7, с. 216-219]. Средняя норма потребления (включая расходы на фураж) составляла около 22 пудов [8, с. 65], так что вывоз привел к голоду, которого при его отсутствии и более равномерном распределении продовольствия могло и не быть.

Казалось бы, о чем тут спорить? Голод - налицо и экспорт - налицо. Но нет, Давыдов утверждает, что экспорт нельзя называть голодным, так как «население» тратило на водку примерно столько же, сколько давал экспорт хлеба [1, с. 112]. Ну что ж, это вполне возможно, ведь «население» состояло из богатых и бедных, голодных и сытых. Голодающие, естественно, не потребляли алкоголь. Как показал А.В. Островский, обычные крестьяне вообще пили водку лишь по праздникам; ее потребляли в основном горожане или зажиточные слои сельского населения [9, с. 82-89]. В том числе и те, кто получал выгоду от экспорта хлеба. Так что одни могли голодать, а другие - вывозить хлеб и на полученные деньги пить водку. Коренная причина такого положения заключалась в огромном социальном неравенстве, символом которого были помещичьи экономии. Из этих экономий и шла основная часть экспорта - это доказывается тем фактом, что, когда крестьяне поделили эти земли, экспорт практически исчез; крестьяне сами потребляли зерно с этих земель. Это и было итогом революции и главной целью крестьянства: раздел помещичьих земель означал избавление от голодного экспорта и относительно сытую жизнь в период нэпа [8, с. 112-113].

Вторая глава работы Давыдова называется «О правительственной продовольственной помощи». Автор повторяет тезис министра земледелия А.С. Ермолова о том, что во время голода 1906-1907 гг. «ни одного случая смерти непосредственно от голода, от полного отсутствия всякой пищи... не было констатировано ни разу и нигде». Это якобы доказывает эффективность системы продовольственной помощи. Однако Ермолов тут же признает, что «было много случаев смертей от болезней, развивавшихся на почве недоедания, преимущественно от разных видов тифа» [1, с. 133]. Необходимо пояснить, что регистрация смертей предусматривала указание причины смерти лишь в случае инфекционных заболеваний; иные причины, в том числе и голод, не указывались. Так что, утверждает Давыдов, тогда никто от голода не умирал, а вот в 1932-1933 гг. от голода погибло 7-8 млн [1, с. 905]. Демографы обычно вычисляют количество жертв голода как избыточную смертность: превышение смертности в голодные годы по сравнению со смерт-

ностью в благополучные годы. Избыточная смертность учитывает людей, умерших непосредственно от голода, от сопровождающих его эпидемий, от вызванного голодом обострения хронических болезней и т.д. Указанная М.А. Давыдовым цифра 7-8 млн - это максимальная из существующих оценок избыточной смертности 1932-1933 гг. Если мы аналогичным образом оценим избыточную смертность для голода 1889-1892 гг., то получим 1,75 млн жертв [10, с. 404]. Голод 1901-1902 гг. дал 420-тысячную избыточную смертность - притом, что, по Давыдову, никто от голода не умирал.

В третьей главе Давыдов рассматривает вопрос о причинах недоимок по налогам. Эта глава, собственно, и представляет собой то новое, что отличает рецензируемую книгу от предыдущих работ автора. Большинство исследователей полагает, что рост недоимок свидетельствовал об ухудшении экономического состояния крестьянских хозяйств. Давыдов считает, что это экономическое состояние характеризуется величиной наделов - и в пик большинству исследователей он пытается доказать, что недоимки от этой величины не зависели. Автор приводит 18 таблиц, в которых указаны (по мысли автора, должны быть указаны) размеры крестьянских наделов и недоимки по уездам конкретной губернии. «Доказательство» проводится следующим образом: вот, смотрите в таблице, говорит автор: в таком-то уезде наделы большие, но, несмотря на это, недоимки тоже большие. К несчастью, 7 из 18 таблиц необратимо пострадали при верстке, и понять в них что-либо невозможно (интересно, что разглядели в этих таблицах эксперты, присудившие Давыдову премию). Но не в этом суть, дело в том, что доказать что-либо путем демонстрации каких-то примеров в принципе невозможно (об этом методическом пороке Давыдова уже говорилось выше). В данном случае мы имеем задачу из области математической статистики: даны несколько сот уездов, для которых указаны средний размер надела и величина задолженности. Для того чтобы показать наличие или отсутствие связи, необходимо для начала посчитать корреляцию между этими двумя величинами (возможно, разделив уезды на подгруппы). Если же связь не обнаружится, то надо привлекать другие факторы (например, налоговую нагрузку на надел), строить математическую модель, вычислять коэффициенты регрессии и т.д. Может быть, в комплексе с другими факторами связь все-таки обнаружится.

Но, собственно говоря, задача, которую поставил перед собой Давыдов, давно решена «Комиссией 1901 года». Напомним, что эту комиссию возглавлял заместитель С.Ю. Витте В.Н. Коковцов, и к работе было привлечено свыше ста экономистов и статистиков. Комиссия проделала огромную работу по сбору и обработке статистических сведений и пришла к следующим выводам: «В районах с преобладающим развитием земледелия, кроме юга и запада, создалось по-видимому такое положение вещей. Наделы измельчали и не только не удовлетворяют всем потребностям крестьянского хозяйства, но при низком уровне земледелия, часто не обеспечивают даже одного продовольствия... Для уплаты сборов остается лишь другой источник - заработок. Но этот источник, хотя и возрастает, но, видимо, не наравне с ростом потребности и увеличения нужды в деньгах. Отсюда - слабая платежная способность и слабое поступление сборов» [11, с. 277].

Таким образом, Комиссия признавала, что размер недоимок зависит не столько от размера надела, сколько от побочных заработков - и Давыдову не было нужды строить 18 маловразумительных таблиц, чтобы «доказать» общеизвестную истину. Но, как утверждает Комиссия, зависимость от побочных заработков и недоимки (в центрально-земледельческих губерниях) были следствиями малоземелья - то есть опосредованно рост недоимок обуславливался недостаточностью наделов. В то время как Давыдов пытается доказать противное.

Основными аргументами Давыдова, якобы свидетельствующими о повышении благосостояния крестьянства, являются повышение расходов на алкоголь и увеличение вкладов населения в сберегательные кассы. Хотя развертыванию этой аргументации посвящены целые главы (четвертая и седьмая), в них нет ничего принципиально нового. Эти аргументы (также, как вопрос о недоимках) были в свое время рассмотрены «Комиссией 1901 года», которая сочла их малоинформативными и неубедительными [11, с. 265]. А.В. Островский, более подробно рассмотрев вопрос о расходах на алкоголь, показал, что

за 1863-1910 гг. душевое потребление водки уменьшилось в полтора раза, а расходы на ее приобретение в расчете на душу и с учетом инфляции не увеличились, а уменьшились [9, с. 79-81].

Что касается вкладов в сберегательные кассы, то специалисты из «Комиссии 1901 года» предостерегали: «Едва ли осторожно было бы какое-либо решительное заключение о благосостоянии сельского населения на основании данных о движении вкладов в сберегательных кассах. Невозможность выделить вклады, сделанные собственно крестьянами, зависимость размера вкладов от числа касс и близости их к населению, наконец, то обстоятельство, что кассы (как это видно из значительного размера вкладов на одно лицо) служат не столько массе населения, сколько верхним по достатку его слоям, - все это приводит к заключению, что данные... не могут служить прочным основанием о движении благосостояния населения» [11, с. 265].

Давыдов, приведя массу сведений о развитии сберегательного дела в различных губерниях и уездах, так и не смог ответить на эти принципиальные возражения.

Восьмая - и самая большая - глава книги Давыдова посвящена описанию успехов столыпинских реформ. Описанию этих реформ посвящена огромная литература, и на этом фоне Давыдов не сообщает читателю существенно новых фактов. Перечисляя мелкие подробности процесса разрушения общины, землеустройства, развития агрономической помощи, автор лишь однажды упоминает о том, какой эффект все это могло бы дать. «Знания крестьян оставались на уровне средневековья... Но даже если они и были, то режим средневекового же общинного землепользования с принудительным севооборотом и чересполосицей, а также периодическими переделами земли в большинстве общин не позволял их успешно использовать. Между тем... одно только введение многопольных севооборотов могло на *треть* повысить площадь обрабатываемой земли...» [1, с. 131-132, выделено Давыдовым]. Об этом же - о внедрении многопольных севооборотов как цели столыпинской реформы - пишет ее главный идеолог А.А. Кофод: «Нужно было изменить севооборот, перейти от трехполья к многополю с посевом трав...» [12, с. 4]. Позже, уже в эпоху нэпа, советские власти уговаривали крестьян перейти к многопольным севооборотам - но все напрасно, крестьяне упорно сопротивлялись нововведениям. В конечном счете знаменитый ученый-селекционер Н.И. Вавилов объяснил чиновникам, что в условиях засушливого климата Черноземья посевы трав не дают существенного эффекта [13]. Крестьяне, не разделявшие надежд Кофода и Давыдова на столыпинскую реформу, оказались правы.

Между тем Давыдов заявляет о «громдном прогрессе во всех отраслях сельского хозяйства в годы реформы» [1, с. 600]. Естественно было бы не ограничиваться словами, а показать, что в годы реформы имелся существенный рост производства, связанный с землеустройством и выходом на хутора. Раз этого не делает автор, то это приходится делать его критикам - и оказывается, что корреляция между ростом урожаев и процентом землеустроенной земли (по губерниям Центрального Черноземья) *равна нулю*. [10, с. 510]. Урожай никак не зависели от успехов (или неудач) реформы.

Подводя итоги, можно согласиться с признанием Давыдова о неакадемическом характере его труда, выпущенного издательством «Алетейя». Политическая направленность этой работы очевидна и не скрывается автором. Прочитав этот труд, известный аграрный историк М.И. Роднов воскликнул: «Издательство “Алетейя” случайно не зарабатывает на выпуске листовок?» [14, с. 230].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны. Российская модернизация Витте-Столыпина. - СПб.: Алетейя, 2016. - 1080 с.
2. Давыдов М.А. Рынок и рыночные связи России в конце XIX - начале XX вв. (Источниковедческое исследование): Дис. ... д-ра ист. наук. - М., 2003. - 420 с.
3. Давыдов М.А. Российский рынок в конце XIX - начале XX вв. и железнодорожная статистика. - СПб: Алетейя, 2010. - С. 69.

4. Кузнецов И.А. Российская дореволюционная урожайная статистика: методы критики // Вопросы истории. - 2013. - № 6. - С. 75-82.
5. Нефедов С.А. О качестве дореволюционной урожайной статистики // Вопросы истории. - 2013. - № 9. - С. 167-168.
6. Виноградова Н. Русская урожайная статистика // Вестник статистики. - 1926. - Кн. XXIV. - С. 51-104.
7. Лохтин П. Состояние сельского хозяйства России сравнительно с другими странами. Итоги к XX-му веку. - СПб., 1901. - 309 с.
8. Нефедов С.А. Аграрные и демографические итоги русской революции. - Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2009. - 209 с.
9. Островский А.В. Процветала ли Россия накануне Первой мировой войны? - СПб.: Полторак, 2016. - 252 с.
10. Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. В 2 т. Т. II. - М.: Территория будущего, 2011. - 686 с.
11. Материалы Высочайше утвержденной 16 ноября 1901 года Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. В 3 ч. - СПб., 1903. Ч. 3. - 281с.
12. Кофод А.А. Хуторское расселение. - СПб.: Сельский вестник, 1907. - 72 с.
13. Вавилов Н.И. Проблема урожайности в СССР под углом зрения растениевода-селекционера // Пути сельского хозяйства. - 1928. - № 7. - С. 74-79.
14. Роднов М.И. В поисках золотого ключика // Историческая экспертиза. - 2017. - № 2. - С. 228-234.

REFERENCES

1. Davyidov M.A. Dvadcat' let do Velikoj vojny. Rossijskaja modernizacija Vit-te-Stolypina. [Twenty Years Before the Great War. The Russian Witte-Stolypin's Modernization]. St. Petersburg, 2016. 1080 p. (in Russian).
2. Davyidov M.A. Ryinok i ryinochnyie svyazi Rossii v kontse XIX - nachale XX vv. (Istochniko-vedcheskoe issledovanie). [Market and market relations of Russia in the late XIX - early XX centuries. (Source-study study)]. Dis. ... doc. ist. nauk. Moscow, 2003. 420 p. (in Russian).
3. Davyidov M.A. Rossiyskiy ryinok v kontse XIX - nachale XX vv. i zheleznodorozhnaya statistika. [The Russian market in the late XIX - early XX centuries. and railway statistics.] St. Petersburg, 2010. 832 p. (in Russian).
4. Kuznetsov I.A. Rossiyskaya dorevoljutsionnaya urozhaynaya statistika: metody kritiki. [Russian pre-revolutionary harvested statistics: methods of criticism]. Voprosy istorii = Questions of history. 2013. № 6. P. 75-82. (in Russian).
5. Nefedov S.A. O kachestve dorevoljutsionnoy urozhaynoy statistiki. [On the quality of pre-revolutionary harvested statistics]. Voprosy istorii = Questions of history. 2013. № 9. P. 167-168. (in Russian).
6. Vinogradova N. Russkaya urozhaynaya statistika. [Russian harvest statistics]. Vestnik statistiki = Bulletin of Statistics. 1926. Vol. XXIV. P. 51-104. (in Russian).
7. Lohtin P. Sostoyanie selskogo hozyaystva Rossii sravnitelno s drugimi stranami. Itogi k XX-mu veku. [The state of agriculture in Russia compared with other countries. Results to the XX century.] St. Petersburg, 1901. 309 p. (in Russian).
8. Nefedov S.A. Agrarnyie i demograficheskie itogi russkoy revolyutsii. [Agrarian and demographic results of the Russian revolution]. Ekaterinburg, 2009. 209 p. (in Russian).
9. Ostrovskiy A.V. Protsvetala li Rossiya nakanune Pervoy mirovoy voyni? [Did Russia flourish on the eve of the First World War?]. St. Petersburg, 2016. 252 p. (in Russian).
10. Materialy Vyisochayshe utverzhdennoy 16 noyabrya 1901 goda Komissii po issledovaniyu voprosa o dvizhenii s 1861 g. po 1900 g. blagosostoyaniya selskogo naseleniya srednezemledelcheskih guberniy sravnitelno s drugimi mestnostyami Evropeyskoy Rossii. [Materials Highest approved on November 16, 1901 Commission for the study of the question of the movement from 1861 to 1900, the welfare of the rural population of medium-agricultural provinces compared with other areas of European Russia]. Vol 3. St. Petersburg, 1903. 281 p. (in Russian).
11. Nefedov S. A. Istoriya Rossii. Faktornyy analiz. [A History of Russia. Factor analysis]. Vol. 2. Moscow, 2011. 686 p. (in Russian).
12. Kofod A.A. Hutorskoe rasselenie. [Khutorsky Settlement]. St. Petersburg, 1907. 72 p. (in Russian).

13. Vavilov N.I. Problema urozhaynosti v SSSR pod uglom zreniya rastenievoda-selektionera. [The problem of yield in the USSR from the point of view of the plant breeder-breeder]. Puti selskogo hozyaystva = Ways of agriculture. 1928. No 7. P. 74-79. (in Russian).
14. Rodnov M.I. V poiskah zolotogo klyuchika. [In Search of the Golden Key]. Istoricheskaya ekspertiza = Historical Expertise. 2017. № 2. P. 228-234. (in Russian).

Информация об авторе:

Нефедов Сергей Александрович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии, Уральское отделение Российской академии наук,
г. Екатеринбург, Россия
hist1@ya.ru

Получена: 20.01.2018

Для цитирования: Нефедов С.А. Неакадемический труд. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 1 . с.40-46.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-1-40-46.

Information about the author:

Sergei A. Nefedov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia
hist1@ya.ru

Received: 20.01.2018

For citation: Nefedov S.A. Non-academic paper. Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol . 10. no.1. Pp. 40-46.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-1-40-46. (in Russ)